

АННОТАЦИИ

G. Zacos, A. Vegler. *Byzantine Lead Seals, vol. I, parts 1—3.* Basel, 1972, p. XXXIV+1965, 260 pl.

Г. Заκος и А. Веглери издали в этом огромном томе 4150 византийских свинцовых печатей (последний номер — 3231, но ряд моливдовулов имеет номера bis или представлен в двух и более параллельных экземплярах); многие из них публикуются впервые. Нет необходимости пространно говорить о значении этого колоссального материала, пополнившего фонд источников византиноведения: чтобы оценить его значение, потребуется много времени, но и сейчас уже видно, что в свете этой публикации ряд вопросов придется пересматривать. В первую очередь это относится к организации таможенного дела и государственных мастерских в Византии VI—начала IX в. Количество печатей коммеркиариев, эргастриархов, архонтов влатия и т. п. лиц значительно пополнилось (134 новых печатей), и, надо сказать, издатели достойно оценили важность этой группы моливдовулов и обработали ее с особенной тщательностью: они не только разработали новые принципы датировки (с. 134), но и составили удобные таблицы, в которых сгруппированы данные, относящиеся к отдельным должностным лицам, позволяющие проследить их карьеру, и данные, относящиеся к отдельным таможенным пунктам.

Рассматриваемая публикация не только обогащает нас новым материалом, но и позволяет исправить ошибки старых издателей. Вот один пример: Г. Шломберже опубликовал в свое время печать, на одной стороне которой был изображен, судя по легенде, «Алексей деспот (=император) Комнин», на другой — Константин; в них Шломберже усмотрел Алексея I и его племянника Константина¹. Появление Константина на царском моливдовуле было неожиданным, и мне, по правде говоря, хотелось видеть в Константине печати Константина Дуку, жениха Анны и наследника престола. Публикация Закосом и Веглери трех образцов печати (№ 110) решает загадку: на них представлен св. Константин. Императором издатели считают Алексея III, что, правда, наталкивается на некоторые трудности: конечно, Алексей III назвал себя Комнином, но издатели атрибутируют ему также моливдовул с легендой «Алексей деспот Ангел» (№ 109). К тому же эмблемы на печатях различны: на одной, как мы знаем, — св. Константин, на другой — Христос.

Идентификация владельцев печатей, уточнение чтения легенд и датировок — все эти вопросы неминуемо будут еще подниматься в конкретных исследованиях при использовании богатейшего материала, которым снабдили нас Заκος и Веглери. Сами издатели в конце тома публикуют список расхождений в чтениях и датировках, предложенных ими и принятых В. Лораном в 3-й части «Корпуса печатей» (с. 1960—1965). Сейчас мне хотелось бы остановиться на более общем вопросе — на принципах отбора и организации материала.

Заκος и Веглери вводят совершенно новый принцип классификации печатей — хронологический: в первый том публикации они включают моливдовулы VI—IX вв. Думаю, что это удачное и чрезвычайно важное нововведение: благодаря ему становится отчетливее эволюция не только самих сигиллографических памятников, но и запечатленных на них элементов византийской общественной жизни. Так, ма-

¹ Schlumberger G. *La sigillographie de l'Empire byzantin.* Paris, 1884, p. 263 sq.

териал новой публикации прекрасно подтверждает наблюдение о практическом отсутствии фамильных имен (патронимов) в ранневизантийский период.

Однако хронологический принцип не выдержан издателями до конца. Прежде всего в том включены печати императоров, императриц и узурпаторов от Евдоксии, жены Валентиниана III, до Иоанна VIII Палеолога (№ 1—128 bis и добавления: № 2759—2760); кроме того, публикуются печати Мануила I (№ 2727), Феодора II Ласкаря (№ 2755) и Андроника II (№ 2757). Как видим, хронологический принцип при публикации печатей императоров не соблюдается. Разве такое нарушение последовательности не осложнит изучение развития сигиллографической техники, иконографии, шрифта и т. п.? Мне думается, что было бы резоннее ограничиться в первом томе императорами VI—IX вв. (к V в. принадлежит только печать Евдоксии № 2759).

То же самое относится и к членам императорских семей (№ 2672—2758), печати которых доведены до XIV в. Кстати сказать, в этот раздел попали болгарский хан Тервел (№ 2672) и «архонт России» Андрей (князь Всеволод Ярославич) (№ 2694). Печати византийской знати (преимущественно XI—XII вв.) очень интересны: перед нами проходит ряд лиц, известных по нарративным источникам, упоминаются титулы и должности², но все это должно было бы найти свое место среди моливдовулов более поздних, с которыми эта группа тесно связана.

Внутри тома печати разделены на ряд групп по формально-стилистическому принципу. Оставляя в стороне упомянутые главы о печатях императоров и императорской родни, которые, кстати сказать, подчиняются не этому, но «владельческому» принципу, мы видим в томе следующие типы моливдовулов:

1) печати, датированные индиктом (№ 129—285; 2761—2765);

2) печати с монограммами, составляющими преимущественно два подтипа: крестообразные и образующие «блок», в основе которого находится унциальная вписанная в квадрат буква: Н, М, N или П (№ 286—584, 2766—2838);

3) печати с изображением орла, имевшим в Византии символическое значение (№ 585—730; 2839—2858); на ряде печатей этого типа имеются крестообразные монограммы;

4) печати с «билатеральными», линейными (в несколько строк) надписями на обеих сторонах памятника (№ 730А—1095; 2859—2937);

5) «иконографические» печати, несущие изображение Христа (№ 1096—1107, 2938—2939), богородицы (№ 1108—1238; 1325—1349А, 2940—2959, 2979—2985), святых (№ 1239—1324, 1350—1351; 2960—2978, 2986—2987), креста (№ 1352—1372; 2988—2993) и нерелигиозных объектов (№ 1373—1392; 2994—3005)³, среди которых мужской бюст, крылатая Победа, Пегас, кони, львы, колесничий; печати с изображением орла выделены в особый тип;

6) печати с инвокативными монограммами типа «Господи, помоги», в большинстве своем — крестообразной формы (№ 1393—1689; 3006—3069); в нескольких случаях монограммы организованы двойными ромбами или двойными окружностями (№ 1522, 1645, 1684. Ср. еще № 650 — с изображением орла);

7) печати с крестообразными инвокативными монограммами и надписью ΓΩ—ΣΩ—ΔΟΥ—ΛΩ («твоему рабу»), размещенной на четырех полях вокруг креста (№ 1690—2671 А, 3070—3231).

Значение формально-стилистической классификации моливдовулов весьма велико, и, несомненно, она будет способствовать выработке более точных критериев

² Чрезвычайно интересно, в частности, довольно частое употребление титула «деспот» на печатях XII в. (№ 2722, 2722 bis, 2730, 2730 bis), в том числе и первой половины столетия. Еще не став формальной *ἀξία* (см. № 2752), титул деспота уже сделался эпитетом не только императора, как было до XI в., но и виднейших чинов империи, прежде всего кесаря. Мне думается, что просто отмахнуться от этого нового словоупотребления нельзя, хотя выдвинутая мною прямолинейная гипотеза о раннем происхождении титула «деспот» нуждается в смягчении. См.: *Каждан А. П.* Севастократоры и деспоты в Византии XII в. — ЗРВИ, 14—15, 1973 и возражения: *Ферjanчић Б.* Још једном о поцеима титуле деспота. — Там же. Ср. еще: *Wirth P.* Die Genesis der byzantinischen Despotenwürde im Lichte der zeitgenössischen höfischen Titulatur. — «BYZANTINA», 5, 1973.

³ Сюда включено и некоторое количество эксагиев — стеклянных разновесок. Правомерно ли такое смешение источников?

датировки сигиллографического материала. Трудности, однако, проявляются уже в том, что принципы классификации издателей не являются взаимоисключающими: так, на «иконографических» печатях встречаются монограммы обоих подтипов — крестообразные и образующие блок, и, следовательно, возникает потребность в выделении переходного типа, отличающегося признаками 2-го и 5-го типов. Далее, печати с изображением орла — по самому определению не самостоятельный тип, а подтип иконографических моливдовулов.

Формально-стилистическая классификация связывается с хронологическим принципом, но непоследовательно. Только печати первого типа располагаются в строгой хронологической последовательности, и это, кстати сказать, позволяет лучше представить изменение формулы таможенных моливдовулов: около 730 г. личная формула: «Такой-то (имя и титул) коммерциарий такого-то «склада» (ἀποθήκη)» — заменяется безличной: «(Печать) царских коммерциев такой-то местности» (с. 135 и сл.). Иконографические печати разделены на три периода: доиконоборческий, иконоборческий и послеиконоборческий, а внутри периодов — на группы по характеру изображений. Во всех остальных случаях печати располагаются в алфавитной последовательности имен их владельцев, т. е. без какой-либо попытки периодизации или классификации. Алфавитная последовательность годна лишь для ориентации и дается в индексе. Если бы и здесь расположить материал в ориентировочно-хронологической (по большим периодам) последовательности, можно было бы заметить некоторые особенности развития моливдовулов. Так, можно было бы видеть, что изделия 6-го типа крайне редки во второй половине IX в. (только два — № 1412 и 1521), тогда как среди печатей 7-го типа я насчитал 102 памятника второй половины IX в. и 21 — конца IX—начала X в. Не вправе ли мы предполагать, что печати с простыми инвокативными монограммами уступают в IX в. место более сложному виду печатей с надписью, размещенной на полях вокруг креста?

Присматриваясь к классификации Закоса и Веглери, мы замечаем, что рубеж IX—X вв. выбран в качестве грани, завершающей первый том, довольно случайно. В самом деле, печати 1-го типа перестали изготавливать вскоре после 832 г. (№ 285 — последний среди них); в истории иконографических печатей иконоборчество явилось существенным поворотным моментом, во всяком случае, печати с изображением орла не возродились после иконоборчества (с. 489), и, по-видимому, то же самое относится к печатям с изображением Христа; моливдовулы 6-го типа практически исчезают к середине IX в. Моливдовулы с билатеральными надписями издатели доводят в этом томе тоже только до 850 г. (с. 549). Короче говоря, собранный в книге материал показывает, что середина IX в. была бы более естественной гранью, нежели избранный издателями рубеж IX и X в.

Ценность публикации Закоса и Веглери неоспорима. Отмечу в заключение, что она содержит и печати, непосредственно относящиеся к истории нашей родины, в том числе печати должностных лиц Херсона: архонтов (№ 1973, 2345, 3106, 3113), эксусиаста (№ 2526), стратига (№ 2325 А). Удобные индексы облегчают использование этой важной книги.

А. К.

Nicetas Magistros. Lettres d'un exilé (928—946). Introduction, édition, traduction et notes par L. G. Westerink. Paris, 1973, 154 p.

О писателе по имени Никита Магистр К. Крумбахер мог сообщить лишь весьма скудные сведения: он знал только, что сочинения Никиты сохранились в рукописи Бодлеянской библиотеки (Bodl. Miscell. 242, XVI в.) — в сборнике писем «последних времен империи»¹. Теперь Л. Вестеринк, издатель сочинений Арефы², опубликовал наследие Никиты, используя шесть рукописей, в том числе Vindob. phil. gr. 342,

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 497.* Впрочем, к этому времени уже существовало издание А. Май (*Mai A. Nova Patrum Bibliotheca, VI, 2. Romae, 1853*), опубликовавшего несколько писем Никиты по Ватиканской рукописи.

² См.: ВВ, 35, 1973, с. 275—276.